

Спустя несколько дней после того, как отряд покинул Лунбэй, Ли Маосянь проснулся в предрассветных сумерках. В небе едва забрезжила серая полоса, и разглядеть что-либо вдали было невозможно, но в нос ударил резкий, тошнотворный запах свежей крови.

Он тут же поднял остальных. Ли Цинвэнь с братьями, вскочив на ноги и вооружившись дубинками, пошли на запах и вскоре наткнулись на одну из воловьих туш. Животное лежало на боку; горло было перекушено мощным укусом, а земля вокруг пропиталась багрянцем.

Ещё с вечера вол был совершенно здоров, и ночью никто не слышал ни подозрительного шума, ни мычания. Животное погибло бесшумно: его вспоротое чрево было пусто, а остекленевшие глаза испуганно вытаращены.

По спине Ли Цинвэня пробежал холодок. Если эта тварь смогла так легко перегрызть мощную шею вола, то с человеком она расправилась бы и давно. Если бы ночной хищник напал на людей, многие из них сейчас лежали бы в траве точно так же.

Четвёртый брат первым делом бросился проверять своих овец. К его величайшему облегчению, всё стадо было цело и невредимо.

Вскоре проснулись стражники и члены семьи Цянь. Вид растерзанного зверя поверг женщин в ужас, их крики долго не смолкали в утреннем воздухе.

Ли Маосянь обошёл место вокруг туши несколько раз, но следов так и не нашёл. Лишь по характеру ран на шее он определил, что челюсти у нападавшего были не очень крупными, но невероятно сильными.

Потеря вола означала, что одна из телег больше не сможет ехать. Господа из рода Цянь принялись осыпать бранью слуг, обвиняя их в лени: мол, проспали всё на свете, раз даже не заметили, как загрызли скотину. Слуги лишь горестно всхлипывали, клянясь, что глаз не смыкали, но не слышали ни единого звука. Даже караульные из числа стражников подтвердили: ночь прошла подозрительно тихо.

Как бы ни роптали путники, нужно было двигаться дальше. Брошенную телегу оставили в поле, распределив добро по другим повозкам. То, что не поместилось, пришлось выбросить.

На обочинах остались лежать пухлые новые перины и несколько дорогих ларцов. Братья Лю, заметив это добро, не смогли пройти мимо. Материя была мягкой, дорогой — такой они в жизни не видывали. Посчитав грешным делом бросать такие вещи на погибель, они свернули перины и взвалили их себе на спины.

Среди двадцати односельчан, примкнувших к отряду, за старшего был Го Даюн. Его жена

приходилась роднёй семье Ли, так что по возрасту он был ровней Ли Маосяню, и Ли Цинвэнь звал его дядей. Весь путь Го Даюнь не мог прийти в себя после утренней находки. Поравнявшись с ним, он негромко проговорил:

— Брат Маосянь, теперь по ночам нам нужно быть вдвое бдительнее.

Отец кивнул. Сколько бы стражников или слуг ни выставляла семья Цянь, с этого дня их люди тоже должны были нести караул по очереди.

Дикая трава в пустошах стояла в человеческий рост. Её жесткие стебли и листья хищно топорщились во все стороны. Стоило неосторожно махнуть рукой на ходу, как на коже тут же появлялся тонкий порез. Ранки были крошечными, но выступающая кровь оставляла на коже длинные алые полосы. Под палящим солнцем пот разъедал эти царапины, и нудная, свербящая боль изматывала людей не хуже долгого перехода.

Все думы были заняты предстоящей ночью, но в полдень случилась новая беда. Одного из ссыльных в голове колонны что-то укусило. Рана на глазах посинела и вздулась. Бедняга повалился на землю, корчась от невыносимой муки, и идти дальше не мог.

Стражники велели всем остановиться. С помощью бамбуковой трубки пытались отсосать яд, но все старания были тщетны — из раны ничего не выходило. Терять время было нельзя, и несчастного погрузили на телегу.

Конвой надеялся дотянуть его до ближайшей почтовой станции, но уже к середине дня у человека пошла пена изо рта, а тело забилося в судорогах. К сумеркам он уже остыл.

Женщины из рода Цянь долго оплакивали покойного, но в такую жару везти тело до самого Пограничного города было невозможно. Пришлось вырыть яму у обочины и предать его земле.

Смерть наступила меньше чем за день, и никто так и не понял, что за тварь его ужалила. У каждого теперь сердце замирало от ужаса: любая травинка могла таить в себе нелепую и скорую гибель.

Ли Маосянь велел всем крепко перетянуть штанины у щиколоток и рукава у запястий. Даже во сне запрещалось ослаблять завязки, чтобы никакая ползучая гадина не пробралась под одежду.

Ночевать снова пришлось в открытом поле. Слушая неумолкающий, оглушительный стрекот насекомых, Ли Цинвэнь поймал себя на мысли: зимняя дорога была не так уж плоха. По крайней мере, сугробы не таили в себе столько смертоносных тварей.

Сгустилась тьма. Плач в лагере семьи Цянь понемногу стих. Группа Го Даюня придвинулась ближе к Ли: тридцать человек сгрудились тесной кучкой, а вокруг себя очертили кольцо

известии и порошка реальгара. Эти снадобья от насекомых Цинвэню дал лекарь Люй, и никто не ожидал, что они пригодятся так скоро.

Первую смену несли Ли Цинфэн и Ли Маоцюнь. Четвёртый брат мертвой хваткой вцепился в верёвку, которой были связаны овцы. Он проделал такой путь не для того, чтобы скормить своё стадо степным хищникам.

Ли Цинвэнь долго не мог уснуть. Глядя в высокое ночное небо, он пытался прикинуть остаток пути, и от этих мыслей навалилась свинцовая усталость. Наконец, уронив голову на руки, он забылся сном.

Пока другие часовые грелись у костра, Ли Цинфэню надоело сидеть на месте. Передав веревку дяде Маоцюню, он взял факел и отправился проведывать мулов и лошадей, заодно пересчитав скотину семьи Цянь.

На огне булькала глиняная горлатка с жидкой кашей из сорго. Горсти крупы хватало, чтобы сварить варево, которое помогало прогнать сон и голод во время дозора.

Цинфэн выпил пару чашек. Когда от выпитого приспичило отойти в сторону, он вдруг заметил, как в темноте мелькнула стремительная тень.

— Что это там?! — крикнул он во весь голос.

Ли Маоцюнь вздрогнул и тут же бросился к нему с факелом. На крик повскакивали и другие часовые, и те, кто только прилег. Прибежав на место, они увидели ещё одного вола, лежащего в луже крови. Всё повторилось: перекушенное горло, но животное ещё слабо хрипело. Глубокая рана на животе была совсем свежей — хищника спугнули в самый последний момент.

После этого сна не было ни в одном глазу. Ли Маосянь велел всем лежать, даже если не спится, иначе дневной переход станет невыносимым. Оставшуюся часть ночи он караулил сам вместе с Го Даюном.

До самого рассвета больше ни люди, ни скот нападениям не подвергались.

Раненый вол к утру издох. На этот раз бросать телегу не стали — в неё впряглись слуги семьи Цянь. Глядя на гору свежего мяса, Го Даюн и остальные засомневались: жалко было бросать столько добра, не лучше ли нарезать кусков да сварить в пути? Но Ли Маосянь строго запретил: к добыче, задранный неведомым зверем, лучше не прикасаться.

Цинвэнь и Цинхун аккуратно собрали с земли рассыпанный порошок обратно в горшочек — впереди было ещё много ночевок.

Казалось, палящее солнце — худшее испытание, но вскоре небо внезапно потемнело. Спустя мгновение на землю обрушился яростный ливень. В считанные секунды все промокли до последней нитки. Крупные капли били так сильно, что больно было открывать глаза. Одежда липла к телу, а в сапогах воды было столько, хоть лодки пускай. Овцы, никогда не видевшие такой грозы, испуганно блеяли, не переставая.

Вокруг, до самого горизонта, не было ничего, кроме травы — ни деревца, ни навеса, чтобы укрыться. Стоять на месте под дождем или идти вперед — разницы никакой, но стражники в этой водяной стене потеряли дорогу, и отряду пришлось остановиться.

У Ли и их спутников были с собой зонты, подбитые маслом, но толку от них теперь было мало — все и так вымокли насквозь. Пришлось просто терпеть.

Пока остальные проклинали внезапную непогоду, Ли Маосянь заметил в хвосте колонны несколько черных теней. Они держались поодаль, неотступно следуя за людьми.

Он позвал Ли Цинфэна. Тот долго вглядывался в пелену дождя, но так и не смог понять, те ли это твари, что убили волов ночью. Ясно было одно: их выслеживали.

Передав овец Цинхуну, Цинфэн подобрал с земли камень и швырнул его в сторону преследователей. Расстояние было слишком велико, он не попал, но тени замерли и больше не приближались.

Маосянь сообщил об этом стражникам. Те разразились бранью, но сделать ничего не могли: звери не подходили близко, а бросать ссыльных в пустоши ради охоты никто не собирался. Пришлось смириться с их присутствием. Утешало лишь то, что через полдня пути должна была показаться почтовая станция.

Когда дождь стих, дорога превратилась в скользкое месиво. Все из последних сил рвались вперед: за спиной чуялось дыхание хищников, любящих перекусывать шеи, и промедление могло стоить жизни.

***

Добравшись до станции, люди буквально рухнули без сил. Двое парней из отряда Го Даюна разрыдались в голос, клянясь, что больше не сделают ни шагу, и горько каясь, что вообще ввязались в это дело. Сам Го Даюн устал не меньше, но утешать их не стал — только отрезал, что пути назад нет, придется стиснуть зубы и идти дальше.

Ли Маосянь велел всем немедленно снимать мокрое и сушиться, иначе лихорадка свалит раньше врагов. Мужчины, не чинясь, разделись донага и развесили одежду на шестах под самой крышей.

Промокла не только одежда, но и пожитки на телегах. К счастью, Ли Маосянь предусмотрительно сложил все семена в свиные пузыри, так что зерно уцелело. А вот сорго в мешках превратилось в кашу. Пришлось высыпать его в тазы, промывать и прожаривать в котлах. О вкусе никто не заботился — лишь бы набить живот.

Братья в одних портах отвели овец на задний двор станции, выпросив для них сена. Бедные животные в пути не могли щипать траву у обочины и сильно перепали.

Цинвэнь же с ведром воды отправился в конюшню. Он дочиста выскреб мулов и лошадей — пускай завтра они снова замараются, зато сейчас им было легче. Тяньцао ласково коснулась хвостом его плеча. Кобыла уже привыкла к запаху юноши и при его приближении вела себя очень дружелюбно.

После полудневного отдыха на станции отряд снова двинулся в путь. Тени, преследовавшие их, исчезли, и скотина больше не пропадала. Ли Маосянь и Ли Маоцунь помогли тем двоим парням, что совсем пали духом, по очереди подставляя плечи под их коромысла.

Чем дальше на север они заходили, тем больше живности встречалось на пути. Зайцы шныряли под ногами, то и дело мелькали лисы, косули и барсуки. Видели они и крупных зверей, но те на людей не зарились. По ночам издали доносился волчий вой, от которого всё равно становилось не по себе.

Ли Цинфэн не выпускал из рук лук. После множества промахов он всё же подстрелил зайца и огласил степь победным кличем, который еще долго отражался эхом от далеких холмов.

Несмотря на всю осторожность, Ли Цинвэнь всё же укусила какая-то ядовитая букашка. Рука его распухла, став похожей на пышную пышку, и даже поднять её стоило великого труда. Третий брат перепугался не на шутку, решив, что тот умрет так же страшно, как тот колодник. Цинхун так горько плакал, что на жаре едва не лишился чувств.

Юноше пришлось самому его успокаивать: мол, рука-то чувствует, значит, яд не такой уж сильный. Мазь лекаря Люя оказалась чудодейственной: к вечеру отек начал спадать, а через два дня рука стала как прежде. После этого Ли Цинфэн ещё долго подтрунивал над впечатлительным Цинхуном.

***

Когда на горизонте показался густой лес, Ли Цинвэнь воспрянул духом. Эти места были ему знакомы — стоило миновать лесную чащу, и до цели останется всего ничего!

Летний лес разительно отличался от того, что он видел зимой. Кроны деревьев смыкались высоко над головой, погружая тропу в вечные сумерки. Повсюду вились цепкие лианы, в чаще сновало зверье, которое, впрочем, спешило скрыться при виде людей. На обочинах попадалось много лесных ягод, но, не зная их свойств, никто не рискнул попробовать.

За время пути все так истосковались по свежему, что кто-то предложил скормить ягоды овцам — проверить, не ядовиты ли. Ли Цинфэн посмотрел на него таким взглядом, что тот едва не лишился дара речи.

Змей в лесу было великое множество — они то и дело свешивались с ветвей. Порошок от насекомых, которым путники натирали одежду, и впрямь выручал, но кому-то из семьи Цянь всё же не повезло. К счастью, змея оказалась не ядовитой, и бедолага отделался лишь испугом.

За лесом воздух стал заметно холоднее. Несмотря на солнце, по утрам и вечерам людей пробирала дрожь. Глядя на это, Ли Маоцунь не раз замечал: в эти края лучше ходить зимой — хоть и морозно, зато не так опасно.

Когда люди и кони уже окончательно выбились из сил, вдали показался конный разъезд. Солдаты, патрулировавшие окрестности, сообщили радостную весть: до места осталось всего тридцать ли.

Расстояние это было невеликим, но преодолеть его в тот же день они не успели. Лишь на следующее утро, встав на гребне пологого холма, путники увидели перед собой бескрайнее море зелени и невысокую каменную стену, затерянную в этом просторе. У многих на глаза навернулись слезы.

Эти безлюдные земли должны были стать началом их новой жизни.

Когда они подошли к каменным строениям, дежурный солдат принял подорожную грамоту. Взглянув на Ли Цинвэня, он изумленно вскинул брови:

— Ты?! Опять вернулся?!

Ли Цинвэнь поднял покрасневшее от загара лицо и широко улыбнулся:

— Здравия желаю, господин солдат! Прошу и впредь не оставлять нас своими заботами.

Солдат кивнул и тут же перевел взгляд на запыленных овец за их спинами. Веки его мелко задрожали. «Это ж надо — притащить всё хозяйство за тысячи ли!» — подумал он, но вслух ничего не сказал. А если бы и спросил, Цинвэнь непременно ответил бы: «Да, мы приехали сюда навсегда».

Пока стража проверяла документы остальных, юноша поспешил к коровникам. Ли Цинхун ошеломленно оглядывался по сторонам:

— Как же здесь... просторно! Столько земли — и всё в бурьяне!

В его голосе слышалось такое искреннее крестьянское сокрушение, что Ли Маосянь невольно усмехнулся — он понимал сына как никто другой.

Цинвэнь не успел дойти до загонов, когда навстречу ему вышел человек с двумя вязанками травы. Увидев путников, он замер, выронил коромысло и во всё горло закричал:

— Ли Цинвэнь!!!

Он обернулся, и в то же мгновение Ци Минь налетел на него, подхватил и закружил в воздухе.

— Ах ты паршивец! Всё-таки приехал!

Юноша, считавший себя уже вполне взрослым и рослым, никак не мог взять в толк, почему все так и норовят поднять его на руки.

Наконец Ци Минь, сам изрядно уставший, поставил его на землю и возбужденно затараторил:

— Ну как дорога? Без бед добрались?

— Всё хорошо, — ответил Цинвэнь, поторапливая друга поднять траву. Заодно он представил ему отца и братьев.

Ци Минь обомлел: он и не чаял, что семья Ли приедет в таком составе, да ещё и со старшими. Он тут же почтительно поклонился отцу Цинвэня:

— Дядюшка, я — Ци Минь! Мы с Цзян Цуном вместе служим. Спасибо вашей семье за все милости, что вы нам оказали!

Старший Ли ответил на приветствие:

— Это моим сыновьям довелось многим быть вам обязанными.

Разговоров накопилось множество, но Ци Минь видел, как измотаны путники. Не теряя времени, он повел их к жилью. Ли Цинвэнь, сияя глазами, крутил головой во все стороны и первым делом спросил, где Цзян Цун.

Услышав, что тот ушел на охоту, Цинвэнь немного расстроился, но быстро пришел в себя. Главное — он уже здесь, а встреча с другом — лишь вопрос времени.

Старина Син в это время грелся на солнышке, привалившись к стене коровника. Завидев толпу людей, он поначалу принял их за очередную партию ссыльных. Щурясь, он присматривался к

пареньку рядом с Ци Минем. Тот казался ему удивительно знакомым. Когда они подошли ближе и старик разглядел лицо гостя, он так и подпрыгнул на месте.

Ли Цинвэнь заметил его первым и зычно прокричал:

— Эй, старина Син! Опять небось втихаря винишко потягиваешь?!

Старик, расплывшись в беззубой улыбке, поспешил навстречу. Цинвэнь со смехом увернулся от его объятий и шутливо дернул старика за бороду. Тот ничуть не обиделся, а только шире открыл двери:

— Измаялись, поди? Живо заходите, отдыхать пора!

Телеги остались снаружи, братья Лю и Го Даюн со своими людьми начали заносить вещи в дом. Старина Син принялся помогать с разгрузкой. В этот миг силы окончательно покинули путников. Теперь им было всё равно, что рядом коровник — хотелось только лечь и больше не шевелиться.

<http://bllate.org/book/15828/1442000>